

О разговорной речи и письменной традиции в русской литературе XVII-го века

Ксения Хендерсон-Стюарт / Xénia Henderson Stewart

[eSamizdat 2004 (II) 3, pp. 31–36]

ВСТУПЛЕНИЕ

О ПИСАТЬ развитие русской письменности в XVII-ом столетии – вот сложная задача, которой мы посвятили свою исследовательскую работу. В славистике этот период оценивают как эпоху борьбы между двумя языками – церковнославянским и русским¹. Соответствует ли такое представление действительности?

Мы попытаемся доказать, что оно не совсем точно и, что правильнее поставить вопрос о развитии письменного языка того времени следующим образом: о разговорном языке и письменной традиции в русской литературе XVII-го века. Отказавшись от теории о двуязычии, мы постараемся описать, как и почему эти два направления, разговорная речь и древняя традиция, объединяются, сопрягаются, сталкиваются и противопоставляются в художественных произведениях XVII-го века. Наконец мы попытаемся доказать, что сдвиги, которые произошли в литературе, в свою очередь повлияли на общий строй языка конца века и на его дальнейшее развитие.

I. ТЕОРИЯ О ДВУЯЗЫЧИИ И ЕЕ НЕДОСТАТКИ

При чтении литературных текстов написанных в XVII-ом веке житийного жанра, как *Повесть о Юльянии Лазаревской*, исторического, как *Сказание Авраамия Палицына* или *Писание о представлении и погребении князя Скопина-Шуйского*, развлекательного, как *Повести о Савве Грудцыне* и *о Фроле Скобееве*, поэтического, как *Вертоград многоцветный* Симеона Полоцкого, и нако-

нец драматического, как *Комедия на Рождество Христово* Димитрия Ростовского, легко заметить, что языковые средства используемые их авторами неоднородны. В одних произведениях сохраняются формы и обороты, которые давно существовали в письменном языке, однако вышли из употребления в последующем периоде. Приводим лишь несколько примеров.

– Употребление простых прошедших времен, аориста и имперфекта:

в переводе басни Езопа Гозвининского *О муравле и голубице* читаем “Муравль возжада. Сошедъ на источникъ и изъвлечень бысть течениемъ струя, и утопаше”². *Повесть об Ульянии Осорьиной* начинается такими словами:

Во дни благовернаго царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси от его царскаго двора бе мужъ благоверень и нищелюбивъ, имянемъ Иустинъ, пореклому Недоревъ, саномъ ключникъ, имея жену такую же боголюбиву и нищелюбиву, именемъ Стефаниду, Григорьеву дщерь Лукина, от града Мурома³.

– Употребление двойственного числа:

представив родителей святой, автор жития употребляет глаголы в двойственном числе: “И живяста во всем благоверии и чистоте, имяста сыны и дщери и много богатства, и рабъ множество”⁴.

– Употребление союза *егда*:

в послании Аввакума царю Алексею Михайловичу, написанном в 1664 году: “*Егда* патриархъ бывшей Никон послал меня в смертоносное

¹ Б.А. Успенский, *История русского литературного языка XI-XVII вв.*, Москва 2002, с. 24.

² “Басни Езопа”, *Памятники Литературы Древней Руси*, XVII век, II, с. 35.

³ “Повесть об Ульянии Осорьиной”, там же, I, с. 98.

⁴ Там же.

место, в Дауры, тогда на пути постигоша мя вся злая”⁵.

В других же текстах или даже в других местах одного и того же произведения, появляются формы и обороты, которые, наоборот, впервые встречаются в письменности:

– Употребление безличных оборотов:

в *Житии Аввакума* читаем: “Бурею дощеникъ мой в воду загрузило”.

– Употребление именных предложений:

в *Житии Аввакума*: “Стало нечева есть; люди учали з голоду мереть и от работныя водяныя бродни. Река мелзкая, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палзки большие, батогы суковатые, кнуты острые, пытки жестокие – огонь да встряска! – люди голодные⁶: лишю стануть мучить, ано и умереть! Охъ времени тому!”.

– Употребление форм бывшего перфекта для обозначения претерита:

в *Житии Аввакума*: “На весну паки поехали впредь. Запасу небольшое место осталось, а первой разгребленъ весь: и книги и одежда, иная отнята была, а иное и осталось. На Байкалове море паки тонулъ. По Хилке по реке заставилъ меня лямку тянуть: зело нужен ходъ ею былъ, и поестъ было неколи, нежели спать”⁷.

Эти явления обычно объясняют тем, что в России вплоть до XVI-го столетия сосуществовали два языка, церковнославянский и русский, которые применялись в разных сферах – церковнославянский в литературе, а русский в живом общении. Лингвисты при этом опираются на высказывания Людольфа, автора одной из первых грамматик, появившейся в конце XVII-го века и в которой на латинском языке автор пишет следующее высказывание, которое я привожу на современном русском:

Так же как никто из русских не может писать по научным вопросам, не пользуясь славянским языком, так и наоборот – в домашних и интимных беседах нельзя никому обойтись средствами одного славянского языка, потому что названия большинства обычных вещей,

употребляемых в повседневной жизни, не встречаются в тех книгах, по каким научаются славянскому языку. Так и у них говорится, что разговаривать надо по-русски, а писать – по-славянски⁸.

В XVII-ом веке же, согласно этому предположению, этот принцип нарушается, и некоторые люди как будто перестают или отказываются писать на церковнославянском и начинают писать на русском, тогда как другие продолжают применять церковнославянский.

Сам Аввакум пишет в своем *Житии*: “не позазрите просторечию нашему, понеже люблю свой русской природной язык”⁹. Несмотря на все эти показания, представление о русском двуязычии нам не кажется оправданным.

Этимологический и семантический анализ тех языковых средств, которые лингвисты оценивают как признаки церковнославянского, так называемые славянизмы, и русского, так называемые руссизмы, языков не позволяет говорить о двух языках. Во-первых, этимологический анализ показывает, что по происхождению большинство признаков принадлежат одному языку. Многие дублетные средства выражения соответствуют лишь разным по времени состояниям языка, например относительное местоимение *иже* по отношению к более позднему *который* в этой же функции. То же самое можно сказать о союзе *егда* по отношению к *когда* (последнее образование могло на первом этапе лишь функционировать как вопросительное местоимение). Во-вторых, в том случае, если этимологический анализ доказал разное происхождение собственно русского и собственно древнеболгарское двух средств выражения, то они никогда не совпадают во всех значениях. Это обнаруживается при сравнении лексики с древне-болгарской и собственно русской огласовкой: *глава* в значении “раздел книги”, по отношению к *голова*, которое не может иметь это значение. В области синтаксиса, уступи-

⁵ “Послание царю Алексею Михайловичу, Первая челобитная”, там же, с. 524.

⁶ Аввакум, “Житие”, там же, II, с. 365.

⁷ Там же.

⁸ Г.В. Лудольф, *Русская грамматика*, Ленинград 1937, с. 114.

⁹ “Обращение Аввакума к ‘чтущим’ и ‘слышащим’ его сочинения и его похвала ‘русскому природному языку’”, *Памятники*, цит. соч., II, с. 454.

тельный союз *аще и*, не соотносится полностью с более поздним союзом *хотя*. Иными словами, нельзя во всех случаях заменить более древнее *аще и* одним только *хотя*. В некоторых случаях конструкция с *аще и* соответствует конструкции с *хоть*. А ведь *хоть* до сегодняшнего времени оценивается как просторечное, не литературное образование¹⁰. Это связано с тем, что *хотя* и *хоть* не имеют одинаковое происхождение: *хотя* восходит к форме деепричастия от глагола *хотети*, тогда как *хоть*, так же как и, по всей вероятности, *аще*, восходят к форме повелительного наклонения того же глагола. Итак, если действительно существует два направления в языке, они не образуют две независимые системы. Все эти рассуждения нас и привели к выбору другого подхода для изучения развития русской словесности.

В начале интересующего нас века, есть один письменный язык, в котором проявляются два направления: первое, ориентация на древнюю традицию, и второе, на разговорное оформление. Однако в художественной литературе начала XVII-го века преобладает первое направление. Мы попытались проследить, как на протяжении века противопоставляются или сопрягаются консервативные и новаторские направления и в каких эстетических или идеологических целях.

II. КАК И ПОЧЕМУ СОПРЯГАЮТСЯ, СТАЛКИВАЮТСЯ И ПРОТИВОПОСТАВЛЯЮТСЯ ДВА НАПРАВЛЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ?

До интересующего нас периода, художественные произведения достаточно однообразны в плане языковых средств. Это связано с

тем, что литература до XVII-го века главным образом безымянная и поучительная. Автор является только посредником, передающим читателям события прошлого в летописи и жизнеописания выдающихся людей в житиях. А.С. Пушкин очень точно создает образ летописца в речи Пимена в *Борисе Годунове*:

Еще одно, последнее сказанье –
И летопись окончена моя,
Исполнен долг, завещанный от Бога
Мне, грешному. Недаром многих лет
Свидетелем Господь меня поставил
И книжному искусству вразумил;
Когда-нибудь монах трудолюбивый
Найдет мой труд, усердный, безымянный. . .

А. Автор

В этом смысле образ автора XVII-го века сильно меняется. Он перестает быть просто посредником, он защищает свой личный взгляд на излагаемые события, и всячески старается убедить читателя в своей правоте. И это сказывается в лингвистическом плане в том, что он воспроизводит на письме беседу, то есть разговорную речь. Конечно прием обращения к читателю не является сам по себе новшеством. Однако в предыдущий период он характеризовал только жанр проповеди, который существовал с самого начала древнерусской письменности. Новшество в том, что во-первых высказывающийся может быть кем угодно и в том, что этот тип высказывания проникает в другие жанры, в частности в исторические повести. Этот прием уже проявляется в произведениях написанных на тему Смуты, например в *Новой повести о преславном российском царстве*, где автор побуждает читателя к действию. Он непосредственно обращается к нему и использует повелительное наклонение, характерное для разговорной речи. Однако в данном случае этот сдвиг мало ощущается на грамматическом уровне, так как формы второго лица повелительного наклонения не претерпели много изменений¹¹.

¹¹ То же самое можно сказать о настоящем времени, формы которого мало изменились, вследствие чего, когда

¹⁰ Т.М. Николаева в статье “О скрытой памяти языка”, *Вопросы языкознания*, 2002, 4, заметила, что даже в современном русском, эти два близких по значению союза, на самом деле полностью не совпадают: “становится очевидно, что в одном случае, скорее, будет сказано, хоть, в другом, скорее, *хотя*”. Приводим ее же примеры: *Я продолжал бежать, хотя силы уже иссякали.* (скорее *хотя*); *Она какая-то неинтересная, хоть и красавица.* (скорее *хоть*).

Приидите, приидите, православнии! Приидите, приидите, христоролюбивии! Мужайтесь и вооружайтесь, и тщитесь на враги своя, како бы их победити и царство свободити!¹².

В последующий период, этот прием прослеживается в произведениях раскольников, и в частности в *Житии Аввакума*. Из разговорной речи в повествование проникает также другой тип высказывания – описание при помощи именных предложений. В первом разделе мы уже дали примеры, где протопоп Аввакум описывает жестокие условия ссылки, применяя этот оборот. Автору удается этим самым перенести своего читателя от времени чтения ко времени самих событий, превратив его в соучастника действия.

Автор чаще, чем раньше является одновременно свидетелем событий, о которых он пишет. И это проявляется в возможности употреблять в повествовании в прошедшем времени формы претерита, как это происходило в устном повествовании, вместо традиционного аориста. Это явление во многом напоминает то, что происходит сегодня во французском языке. До сегодняшнего времени письменное повествование сохраняет формы простого прошедшего (*passé simple*), тогда как в устной форме, рассказ, причем давно, ведется либо в настоящем времени, либо при помощи сложного прошедшего (*passé composé*)¹³. Однако можно предположить, что в скором времени и в письменном повествовании замена простого прошедшего сложным будет возможна.

Обновлению письменного языка способствовало еще одно явление – рост объема переводческой литературы. Можно действительно предположить, что переводчику было легче, чем кому-либо другому освободиться от навыков традиции.

текст написан при использовании настоящего времени, читатель воспринимает язык памятника, как близкий и достаточно “современный”.

¹² “Новая повесть о преславном российском царстве”, *Памятники*, цит. соч., с. 36.

¹³ Вот почему те, кто держится теории о древнерусском двуязычии должны были бы, на наш взгляд, говорить также о современном французском двуязычии (или диглоссии).

Б. Речь действующих лиц

Повествователь XVII -го века чаще, чем раньше предоставляет слово действующим лицам. В конечном счете объем прямой речи в повествовании возрастает.

Притом, по сравнению с предыдущим периодом, эти лица принадлежат к более разнообразным сословиям. И автор всячески пытается, чтобы оживить свой рассказ и поддержать внимание читателя, стилизовать прямую речь изображаемых героев.

Этот прием ярче всего проявляется в жанре драматическом, но он присутствует тоже в повествовании. Сравните к примеру речь Ирода и речь пастыря в *Комедии на Рождество Христово* Димитрия Ростовского.

Иродь

Встань и гряди к господамъ, глаголи же тако,
Яко о ихъ шествии радуются всяко,
Да изволят идуще мене посетити,
Молю; радъ и что от нихъ вопросити¹⁴.

Пастырь

Што же такъ итти худо? Ходемъ, украсемся,
В чулки, лапти новые пойдиомъ, приберемся.
Афоня! Позабирай калачи и вино,
Да и ты приберися, пойдиомъ все заодно¹⁵.

Интересно заметить, что орфография здесь имеет важную роль. Она указывает на произношение, которое актер должен воспроизводить на сцене. Димитрий Ростовский пишет в реплике пастыря *что* через *ш*, *пойдемъ* через *ш*. В *Повести о Савве Грудцыне*, язык беса нарочно более изыскан, чем у главного героя.

III. ПОЭТИЧЕСКАЯ ФОРМА И РЕЧЬ

Конец XVII -го века характеризуется развитием поэзии, как особенной формы письма, рассчитанной на декламацию, произнесение. И хотя в этом жанре в принципе должна звучать речь автора, здесь наоборот, по сравнению со всеми остальными жанрами, авторы держатся старины. Более того, в стихах мы находим формы, которые давно утратились даже в

¹⁴ Димитрий Ростовский, “Комедия на рождество Христово”, *Памятники*, цит. соч., III, с. 423.

¹⁵ Там же, с. 415.

письменной речи начала века; например, именительный *любы* вместо *любовь* (заметим, что даже в богослужебных текстах эта древняя форма была давно заменена новой). Однако здесь проявляются не столько консервативные тенденции, сколько архаизаторские. А это явление является, как ни парадоксально, новшеством в литературе. В поэтической речи конца XVII-го века, те явления языка, которые в предыдущем периоде были данью старины, поддерживаемой традицией, но которые при этом оставались не маркированными, теперь выполняют новую функцию. Эти обороты, формы и слова предупреждают о том, что читатель находится в другом, поэтическом измерении. Здесь авторы нарочно отталкиваются от повседневной речи и это особенно четко проявляется в жанре панегирика.

Эпитафионъ Сильвестра Медведева:

Зряй, человеце, сей гробъ, сердцемъ умилися,
О смерти учителя славна прослезися.
Учитель бо zde токмо единъ таковъ бывый,
Богословъ правый, церкви догмата хранивый¹⁶.

Обратите внимание на использование старых форм причастий: *зряй*, *бывый*, *хранивый*, которые даже в более ранних произведениях очень редки. При этом следует учесть и тот факт, что использование старых форм часто было связано с метрическими соображениями. Иными словами, выбор между более новыми и более древними формами, например усеченные формы по отношению к неусеченным, отсутствие связи при перфекте по отношению к ее присутствию, было обусловлено количеством слогов в стихе.

IV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение можно сказать, что все эти сдвиги в облике автора и новые эстетические установки в русской литературе повлияли в свою очередь на общий строй литературного языка и на язык литературы. Нейтральная литературная письменная речь сблизилась с разговорной речью, обновилась: были утрачены, забыты формы, которые характеризовали

письменную речь еще в начале века. Самым существенным изменением была утрата традиции повествования, при помощи глагольных форм аориста, и новая возможность вести повествование на письме, с помощью форм бывшего перфекта (формы на *-л*) с функцией претерита. Зато художественная речь, то есть речь, которая проявляется в художественной литературе, осложнилась и тем самым обогатилась. В ней развилось разграничение функциональных стилей литературного языка.

Наконец хотелось бы вернуться к важному вопросу: почему же представление о русско-церковнославянском двуязычии так глубоко укоренилось в славистике? Этому, на наш взгляд, способствовала история богослужебных текстов.

Во-первых, так как графическая реформа проведенная Петром Великим в начале XVIII-го века не коснулась богослужебных текстов, она этим самым внешне разделила мирскую и религиозную литературу.

Во-вторых, богослужебные тексты, которыми пользуются по сей день в православном русском богослужении, содержат, в плане лингвистическом, именно те формы и обороты, которые утратились в XVIII-ом веке в письменной речи. Это обусловлено тем, что вековая традиция обновления (модернизации при переписывании) богослужебных текстов путем удаления непонятного, отжившего, была прервана именно в XVII-ом веке. Трудно установить точно почему. Может быть из опасения нового раскола, или же потому, что труднее было обновлять напечатанный текст? Из-за нового, если не сказать более фетишистского, то во всяком случае более консервативного, отношения ко всему "священному"? Во всяком случае к текстам в общем больше не притрагивались. Объединяя эти два факта, легче понять, как в языковом сознании русских сложилось представление о мнимом русско-церковнославянском двуязычии. Упрощенно, можно это передать следующим образом.

Существует два шрифта. Один из них

¹⁶ Сильвестр Медведев, "Эпитафион", там же, III, с. 215.

употребляется только в Церкви. Следовательно, церковный шрифт обслуживает церковный язык¹⁷. В богослужебных текстах есть формы, неизвестные в живом общении. Эти формы тоже присутствуют в древних памятниках литературы. Следовательно, древние памятники написаны на церковнославянском языке.

www.esamizdat.it

¹⁷ Известно, что шрифт в народном сознании часто связывается с языком (ср. например ложное представление о том, что сербский пишется кириллицей, а хорватский латиницей).